Памяти нашего земляка, писателя, краеведа, участника Великой Отечественной войны Василия Федоровича Гришаева, посвящается. В 2016 ему исполнилось 90 лет.

В ПОГОНАХ – С 16 ЛЕТ

Краеведением – ещё не литературными занятиями, и уж тем более не писательством – Василий Фёдорович занялся лишь в 47 лет.

Судьба распорядилась так, что ему пришлось носить погоны с 16 лет. Родившийся 27 ноября 1926 года в селе Верх-Бобровка Косихинского района, после окончания средней школы он в 1944 году поступил в Смоленское артиллерийское училище. Ускоренный 11-месячный выпуск молодых офицеров состоялся уже после капитуляции Германии – 15 мая 1945 года. Однако и им довелось участвовать во Второй мировой войне – громить Квантунскую армию Японии. С 9 августа по 3 сентября 1945 года Василий Гришаев был командиром огневого взвода на 1-м Дальневосточном фронте. И потом ещё 29 лет его судьба была связана с Советской армией: до октября 1973 года служил на командных и штабных должностях в Приморье, группе войск в Германии, Омске и в Бийске. В отставку ушёл в звании подполковника.

Хотел устроиться военруком в школу. Но, по его словам, «к худу ли, к добру ли (теперь я думаю, к добру) свободных мест ни в одной из бийских школ не оказалось».

В канун 80-летия со дня рождения я брал интервью у Василия Фёдоровича. Так и спросил его: «Как артиллерист стал писателем?» И услышал удивительную историю. Дело было в Бийске в конце лета 1975 года. В ту пору Василий Гришаев работал ответственным секретарём городского отделения общества охраны памятников истории и культуры. Не успел он принять дела, как вкатывается школьник: «Меня послали узнать, кто такой Пётр Мерлин, именем которого названа улица в Бийске?»

Гришаев сам жил на этой улице. Но даже не задумывался, что это был за человек. Пришлось сказать мальчишке, что сегодня занят, попросив его зайти завтра. А сам почти бегом – в музей. Но мальчишка, пришедший к нему на следующий день, переписав собранные им сведения о Мерлине, неожиданно спросил: «А кто такая Валя Максимова?» Это тоже героиня, имя которой носит улица Бийска.

Пришлось Василию Фёдоровичу, по его словам, «безвылазно зарыться на две недели в музее», основательно изучить документы, публикации, воспоминания обо всех 24 Героях Советского Союза, именами которых названы улицы города. Напечатал сведения о них,

собрал фотографии – получилась брошюрка. Теперь ответственный секретарь Бийского общества охраны памятников истории и культуры уже не опасался вопросов по истории названия улиц города. Об этой работе стало известно заведующему отделом культуры горисполкома Анатолию Андронову. Тот предложил передать материалы в типографию. Так появилась первая книжка Гришаева «Прописаны навечно».

В том же 1975 году праздновалось 30-летие Победы. Василию Фёдоровичу – к тому времени он стал сотрудником городского краеведческого музея – хотели было поручить сбор сведений о бийчанах-фронтовиках. Но он заинтересовался тружениками тыла. Перерыл подшивки городской газеты тех лет, выписал имена упоминаемых в публикациях людей, узнал в адресном столе контакты живущих бийчан. Встречался с теми, кто ковал Победу в тылу, записывал их рассказы, публиковал в газете «Бийский рабочий». Так получился ещё один сборник – «Бийчане рассказывают». А Гришаев обрёл вкус к краеведению.

ЗАВЯЗ В ПРОШЛОМ

В 1976 году по семейным обстоятельствам Василий Фёдорович переехал в Барнаул. Устроился в краевой Государственный архив, где проработал восемь лет.

Позже, вспоминая тот период жизни, Гришаев непременно говорил о нём с теплотой. Хотя сотрудники хранилища, которое располагалось в помещении Знаменской церкви, даже летом не снимали валенки.

По словам Василия Фёдоровича, в коллективе архива «обстановка была спокойной, рабочей, без дерготни, мелочной регламентации, тем более – без начальственных разносов. В такой обстановке хотелось работать, интересно было работать. О себе скажу, что по утрам я вприпрыжку бежал в архив, заранее радуясь, что проведу день в кругу хороших людей да ещё откопаю в документах что-нибудь для себя новое, интересное».

И это несмотря на массу рутины: надо было перелистать неразобранные дела, завести на каждое их них карточку, уточнить названия, определить их места в фонде, в описи, на стеллаже.

Бывший сотрудник Госархива Александр Сыщенко вспоминает, что Гришаев порой так увлекался исследованиями, что за день не произносил ни одного слова, кроме приветствия по утрам. В быту обходился бутылкой молока и пряниками.

В Госархиве Василий Фёдорович прошёл хорошую школу под руководством заведующего архивным отделом крайисполкома, известного писателя-краеведа Петра Бородкина. «Он меня научил многому, – отмечал Гришаев, – приобщил к краеведению по большому счёту. Бывало, говорит: «Алтайская правда» просит статью о Штильке. Возьмись-ка напиши». Я ему: «Так я ж, кроме фамилии, ничего не знаю». А он: «Ищи, я, что ли, за тебя буду искать?».

Я и берусь за поиски. Потом статью пишу. Так и пошло. Завяз я в прошлом – в истории края».

Но прошлое он не воспринимал как давно ушедшие дни. Смотрел на него одновременно глазами скрупулёзного исследователя, хорошо знавшего контекст, а также – объективного современника. Не ограничивался цитированием найденных в архиве документов, а отыскивал другие источники, если возможно – живых свидетелей, участников описываемых событий. Да и ко многим документам, особенно по истории Гражданской войны в регионе (историю войн пишут победители) и периоду массовых репрессий (абсолютное большинство которых было сфальсифицировано), особого доверия не испытывал.

Он издал два десятка книг. Причём, как отмечал сам Василий Гришаев, «увлекался самыми разными вопросами истории – от горнозаводского производства до сталинских репрессий». Об этой «всеядности» говорят и названия его книг: «Повесть о берг-механикусе Ползунове…», «Шукшин. Сростки. Пикет», «Реабилитированы посмертно», «Тропою памяти» и другие.

Открыл или, по крайней мере, расширил представления о многих знаковых персонажах – наших земляках. К примеру, выстроил целую галерею горных инженеров Алтая, опубликовал очерки о писателях Фёдоре Достоевском, Виталии Бианки, Вячеславе Шишкове, Анне Караваевой, Петре Бородкине, педагогах и общественных деятелях Василии Штильке, Михаиле Курском и Порфирии Казанском, кинематографисте и писателе Василии Шукшине, художнике Александре Маркове, музыканте Антонии Марцинковском, актёре Владимире Гарденине, краеведе Николае Савельеве…

Благодаря ему «ожили» тысячи людей, имена которых десятки лет боялись произносить даже их потомки. Именной указатель книжки Василия Гришаева «Дважды убитые» – о репрессиях в Бийске, составленный Владимиром Сосновским, – включал в себя 606 имен. А барнаульский священник Георгий Крейдун сопроводил 301 именем его книгу «Невинно убиенные» – о пострадавших священниках.

В краевом Госархиве и Музее истории, литературы, искусства и культуры Алтая имеются фонды писателя. Большое наследие ещё ждёт своего исследователя. Центнеры рукописей. Василий Фёдорович, как правило, писал авторучкой на обрывках бумаг.

К примеру, при подготовке очерка «Барнаульский городской голова» – об одном из руководителей Барнаула, писателе-натуралисте Александре Черкасове, Василий Гришаев переписал от руки рассказы этого удивительного автора из старых журналов. А через несколько лет в Барнауле благодаря его поистине подвижническому труду была издана книга Черкасова «На Алтае».

Многогранное творчество Василия Гришаева характеризует и такой пример: для второго тома «Энциклопедии Алтайского края» он подготовил свыше ста (!) статей. Деятельно участвовал и в составлении книг «Барнаул: летопись города», семитомника «Жертвы политических репрессий

в Алтайском крае» (в восьми книгах), энциклопедии «Барнаул».

Василий Фёдорович обожал ныне почти забытое занятие – почтовую переписку со своими героями, их друзьями и родственниками. В фондах Гришаева хранится, к примеру, переписка с флотскими сослуживцами Василия Шукшина, с его другом, кинооператором Анатолием Заболоцким, учителями школы и техникума, где учился Шукшин.

НО КТО ПРОДОЛЖИТ ПУТЬ?

Серьёзным испытанием для Гришаева стали переосмысление с конца 1980-х годов многих исторических процессов, происходивших в нашей стране и в крае. Ведь он к тому времени уже написал немало произведений о Гражданской войне.

Я как-то спросил его, как он поступает, если уже после опубликования очерка или повести обнаруживаются новые документы, выясняются новые обстоятельства. К примеру, в печати его критиковали за неточную оценку деятельности главнокомандующего партизанской армией Алтая Ефима Мамонтова. Писатель упрекал партийное, советское и военное руководство Сибири в предвзятом отношении к Мамонтову после окончания Гражданской войны. На самом деле бывшему партизанскому главкому

доверяли и ответственные посты, и судьбы тысяч людей, направляя туда, где он был нужнее и полезнее. Василий Фёдорович ответил на упрёки тем, что учёл новые документы при переиздании произведений. А своим оппонентам твёрдо заявлял: «За всё, что написал, я готов ответить. Потому что от себя ничего не выдумывал».

Ну, а если появились новые сведения о его героях, он верил, что в переиздании удастся выверить их биографии. Так было с сюжетом о гибели Ефима Мамонтова, убитого крестьянами села Власиха, узнавших что конь, на котором ехал бывший партизанский командир, украден у них. Только через годы пригодились ему сведения, которые Гришаев обнаружил в архиве, о частях особого назначения (ЧОН), которые уничтожали бывших партизан, принесших освобождение Алтайской губернии в декабре 1919 года и восставших против большевистской диктатуры. Он первым сделал вывод, что Гражданская война в Алтайской губернии продолжалась до сентября 1922 года. Неудивительно, что вдумчивый, объективный писатель взялся сначала за исследование темы массовых выступлений алтайского крестьянства против советской власти в начале 1920-х годов, а затем – периода массовых репрессий 1930-х годов.

Я интересовался у Василия Гришаева, каково это – читать сотни, тысячи сфальсифицированных дел, писать о несправедливых, жутких приговорах. Он дословно отвечал так: «Порой небо казалось чёрным... Имена тысяч людей, пострадавших от несправедливых репрессий, были забыты, находи-

лись под запретом, и я попытался рассказать о них объективно. Потому что всегда в работе избегал отсебятины, трескотни и демагогии».

Теме массовых репрессий Василий Фёдорович посвятил несколько книг.

Несколько лет, ежедневно как на работу в архив Управления Федеральной службы безопасности по Алтаю ходил. Да это и была работа. Гришаев не скрывал сожаления: алтайские писатели, журналисты, учёные мало пишут об истории родного края! Подталкивал, в том числе и меня, к изданию книг по исторической тематике. Он очень переживал, что тема сталинских репрессий попала под запрет, как во времена КПСС, доступ к документам о реабилитированных для исследователей фактически закрыт на 75 лет.

Между прочим, после опубликования этой его реплики в Интернете появился откровенный комментарий читателя: «Гришаев не имеет научных титулов – но мало кто из господ профессоров от истории сделал для этой науки столько, сколько он. Практически это единственный историк в регионе, пишущий на темы XX века. Ему уже 80. А преемника всё нет, как нет и заслуженного по реальному объёму его заслуг общественного признания. Кому, блин, ордена раздаются? А единственный – подчёркиваю! – автор великолепных профессиональных исторических книг сидит в полном забвении и не может даже найти копейки, чтобы издать готовые труды».

Насчёт почестей автор комментария, кажется, перебрал: Василий Фёдорович был удостоен ордена Отечественной войны II степени, многих медалей, в том числе Русской православной церкви – Преподобного Сергия Радонежского, казачьих наград, являлся лауреатом литературных премий Алтайского отделения Демидовского фонда, имени Василия Шукшина, Георгия Егорова, главы администрации Барнаула.

А вот насчёт трудностей с опубликованием написанного – всё верно. Лишь после смерти писателя, наступившей 16 ноября 2007 года, увидели свет книги Гришаева «За отсутствием состава преступления», «Барнаульские педагоги – жертвы политических репрессий» и «Алтайские краеведы» – благодаря войсковому казачьему обществу «Сибирское казачье войско», Барнаульскому городскому комитету по образованию и краевой библиотеке имени Шишкова.

Во время гражданской панихиды кто-то из писателей отметил, что Василий Гришаев являл собой пример ратного и гражданского служения Отчизне: как на войне, так и на литературном поприще. Оратор назвал это ежедневным подвигом. И хотя Василий Фёдорович вряд ли согласился бы с такой пафосностью оценки своего труда, оратор, по сути, думается, был прав.